

А Н Д Р Е Й З В О Н К О В

ВОРОЖЕЯ

Любовью спасены будете

Москва
2016

УДК 615.89
ББК 53.59
З-43

Звонков, Андрей Леонидович.

З-43 Ворожея. Любовью спасены будете / Андрей Звонков. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 272 с. — (Здоровье России с доктором Звонковым).

ISBN 978-5-699-88430-8

Судьба врача – увидеть больше горя, чем выпадает многим... и глубже других постичь цену неизбежности. У медицинских работников свои, более короткие отношения с опасностью и смертью. И мистика в их жизни тоже своя, связывающая в тугой нерасторжимый узел тысячи жизней, прошедших через их уверенные руки.

Как расплести эти спутанные жизни и нащупать среди них ту единственную, что дороже всех прочих? И как увязать ее со своей, если против выступает сила, которая древнее, напористее и изощреннее современной медицины?

УДК 615.89
ББК 53.59

© Звонков А.Л., текст, 2015
ISBN 978-5-699-88430-8 © Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕМНОГО ЗАБЕГАЯ ВПЕРЕД	9
------------------------------	---

Часть первая СУТКИ ЧЕРЕЗ ДВОЕ

Глава 1. НОВОБРАНЦЫ, ОТРАВЛЕНИЕ	25
Глава 2. САМОЛЕТ, МОРИЛКА	46
Глава 3. НОВЫЙ ГОД, СТАРИК	70
Глава 4. ИГРОКИ, АБИТУРИЕНТЫ	107
Глава 5. ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ	124

Часть вторая ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР

Глава 1. ТА, ЧТО НЕ СТАЛА ЭПИЛОГОМ	149
Глава 2. ИСХОД	168
Глава 3. БОГ НЕ ВЫДАСТ — СВИНЬЯ НЕ СЪЕСТ	204
Глава 4. ПОСЕЯВШИЙ ВЕТЕР ПОЖНЕТ БУРЮ	216
ЭПИЛОГ (ИЛИ КОЕ-ЧТО ОТ АВТОРА)	252

Пусть нас разъединят или соединят!
Пусть хоть дустом вонючим потравят!
И магнезию пусть навсегда запретят!
Колпаки пусть носить нас заставят!
Пусть в полях все посевы съедят грызуны
И сгниет под нитратами овощ,
Пусть провалится к черту все, в тартарары,
Но останется «Скорая помощь»!

ВАДИМ ГОЛОВАНОВ

ПАМЯТИ

*врача «Скорой помощи» Сергея Абрамова
и фельдшера Виктора Червякова,
погибших 4 ноября 1992 года*

НЕМНОГО ЗАБЕГАЯ ВПЕРЕД

Как это бывает у нас, на «Скорой», очень редко судьба дарит дежурным бригадам в промежутки где-то между полуночью и тремя-четырьмя часами утра неожиданное затишье. Редкая ночь, когда ни у кого ничего не болит, никто в районе не задыхается, никого не беспокоят скандалящие соседи и ни у кого не текут краны... Просто на удивление у всех все в порядке.

И тогда слетаются на подстанцию бригады, извлекается из одежного шкафчика старенькая гитара, и те, кто не ушел спать на жестком топчане, подложив под голову свернутую суконную шинель или наволочку, набитую скомкавшейся ватой, заваривают крепчайший чай, курящие сворачивают из крепких желтоватых «карт вызова» фунтики вместо пельниц и начинают рассказывать вечные скорпомощные байки или слушать скорпомощные песенки, исполненные черного юмора и здорового медицинского цинизма.

В эту ночь песен не пели. Разговор зашел о парапсихологии и экстрасенсах. Из пяти ночных бригад спать ушла педиатр Симонова, не высидела Марина Захарова, оставив солнечную щебетунью Женю Соболеву, поднялась и, помахав всем ручкой, отправилась во врачебную — подремать. Не стал бороться с усталостью и врач бит-бригады реаниматолог Лацис. Тему паранормальности поднял доктор Прысков, не усомнившийся в реальности, а как раз наоборот — утверждавший, что не раз наблюдал, как у него самого не раз и не два обнаруживалась способность снимать боль при осмотре. В совпадения он не верил. И утверждал, что есть что-то такое в людях, загадочное и непонимаемое, а главное, отвергаемое официальной наукой.

Самый старый фельдшер на подстанции Борис Акимыч Супрун затоптал докуренную до мундштука «беломорину». Вытер пальцами углы рта, отобрав у меня, второго фельдшера, с которым работал, литровую глиняную кружку, сделал большой глоток чая и сказал:

— Про экстрасексов¹ ничего сказать не могу, это слишком уж умно для меня. Но вот в бытность мою заведующим фельдшерско-акушерским пунктом в Рязанской губернии, когда я был чуток постарше вас, году... дай бог памяти, в шестьдесят пятом, кажется... с колдуньей настоящей дело иметь пришлось. Вот.

Мы притихли.

Женечка Соболева вскочила и, убегая в соседнее помещение к плитам с чайниками, взмолилась:

— Борис Акимыч, подожди, я чайники поставлю!

Чайники — это важно! Собравшиеся давно выдули кипяток, и вновь прибывшим, если таковые обнаружатся, придется ждать, пока согреется новый. Поэтому к чайникам для жаждущих бригад у всех отношение было трепетное и ответственное. Попил сам — подумай о других.

Акимыч милостиво сделал паузу, отпивал из кружки, копался в растрепанной пачке «Беломора», выбирая папироску поцелее, дожидался, пока Женечка вернется к столу, укутается шинелькой и станет слушать, подперев кулаками пухленькие розовые щечки.

— Колдуньей, Акимыч... — подтолкнула Женька, как иногда напоминают людям, посреди фразы забывающим, о чем же это говорили.

— Ну так вот, — начал рассказ наш старый фельдшер, — земля Рязанская полнится разными чудесами, ну, это вы из газет знаете. То озеро найдут бездонное, как Байкал, то пришельцы залетят, а то смерч² пройдет солнечным

¹ Супрун намеренно коверкает слово.

² В середине 80-х в Касимовском районе пронесся смерч, порушивший частный сектор и некоторые колхозные постройки.

днем да в тихую погоду... Дело было давно, как уже сказал, еще в середине шестидесятых.

Я как раз закончил медучилище в Рязани, отслужил три года в армии, и вдруг прямо из военкомата, как только я получил паспорт и военный билет, направляют меня в райком комсомола и говорят: «Борис Акимыч, для сознательных бойцов в деле строительства коммунизма у нас есть ответственные посты. Ты человек, прошедший армию, с китайцами повоевал, пороха понюхал... Давай принимай должность. Направляем тебя на новый фронт».

Дали мне разнарядку в деревню, название, скажем, Сосуево, кажись, Касимовского района. Не то чтоб я не помню, но не буду указывать точно. Место там темное. Не хочу рекламировать.

Я обрадовался, подумал, что направляют меня в реанимацию горбольницы. Реанимация — слово новое, модное, она тогда только-только открылась как направление и отделение, нас туда на практику водили аккуратно между окончанием медучилища и армией.

Ан нет! Дали мне разнарядку в деревню, название, скажем, Сосуево, кажись, Касимовского района. Не то чтоб я не помню, но не буду указывать точно. Место там темное. Не хочу рекламировать.

Добирался я туда целый день. Как у Михал Афанасича¹ написано... Автобусом-то до Касимова я хорошо добрался, а дальше — тишина. Сперва полдня ждал, пока «кукушка» доползет, это паровозик такой. Там через лес железная дорога вроде как детская — узенькая. И паровозик таскает три вагона. Утром и вечером.

Утром-то я еще автобуса ждал в Рязани, а вечерний приполз только к шести. Жизнь тогда была не то что сейчас, — неспешная. Ну, ежели кто торопится, то пожалста — через гать по болотцу километров пять, комаров кормить! Только там отдохнуть негде. Коли вышел на тропу — иди, кругом вода. Не присядешь.

¹ М.А. Булгаков. «Записки молодого врача».

Приехал, хибарку мою осмотрел — ничего домик.

Амбулатория небольшая. Аптечка при ней. И больничка на пять коек. Процедурная и операционная, она ж родблок.

Устроился я прямо там же в комнатке при амбулатории. Штат — всего ничего: я да акушерка — она же медсестра, да санитарка, — звать Тамаркой¹.

Я с делами познакомился, бухгалтерию перетряхнул и на следующий же день в район, в райздрав, доложить, что дело принял, заявку оставить на медикаменты, инструменты, и если им меня не жалко, то, может быть, выпишут ссуду на мотоцикл с коляской, чтоб мотаться по окрестным деревням, коих всего в моем попечении оказалось шесть.

Заявку приняли, с лекарствами и инструментами обещали помочь, а по поводу мотоцикла — кукиш показали. Нету денег у райздрава на мотоциклы. Используй, говорят, смекалку и прояви находчивость. Вернулся несолоно хлебавши.

Народ потянулся на прием. У кого чирьяк, у кого радикулит, у кого зуб, кто полпальца топором отхватит... разные люди. Один раз в неделю — две стоматолог приезжал со щипцами. До вечера надергает зубов полный тазик, и прости-прощай до следующего раза. А хочешь, чтоб он тебе в зубе дырку сверлил, пломбу ставил, — езжай в район, сиди в очереди. Хорошо, если за день управишься.

Нашим-то лень, да и как летом хозяйство оставишь? С пяти часов на ногах до позднего вечера... Не поверите, ни читать, ни радио слушать времени нету... утром какая скотина есть — кормов задать, убрать-постелить, птицу выгнать на двор, коз привязать на лугу да бегом на фер-

¹ Супрун использовал оборот из народной песни «Армия»: «Бежит по полю санитарка, звать Тамарка, все в порядке, с большою клизмой в руках, трехлитровой от запора. Бежит по полю Афанасий семь на восемь, восемь на семь, в больших кирзовых сапогах, сорок пять, на босу ногу, чтоб под мышкою не терло. А я парни-и-и-ишка лет шестнадцать, двадцать, тридцать, может, больше, лежу с видирванной ногою, челюсть рядом, нос в кармане, притворяюсь, будто больно, будто больно, очень больно».

му, там до вечера, а вечером опять — хорошо, если коро-
ва дойная, так и подоить два раза в день, скотину загнать,
кормов дать и уже без ног упасть на лавки, а у кого есть —
в кровать с панцирной сеткой.

Вот и не ездит никто, приходят на щипцы. Почитай,
вся деревня беззубая ходила, у кого одного-двух, а у кого и
полрта недоставало. Ничего, деснами терли, ели и ни про
какие гастриты не вспоминали.

Но отвлекся я. Вызывают тут меня в конце лета в рай-
ком и мордой об стол:

— Комсомолец Акимыч, а почему на вашем участке
процветает мракобесие и полное засорение мозгов?

Я — ни в зуб ногой. Чего я проворонил?

— Ничего не знаю, — говорю. — Никакого мракобесия
не встречал.

— Бдительность потеряли! Сытно спите, крепко жрете у
себя там в советской деревне?! А враг не дремлет!

Тут до меня стало доходить, что это они про бабушку Васи-
лису толкуют.

— Ну, есть такая. Карга старая. Ей уж небось лет двести
или триста... мхом поросла уж вся! Какой она враг?

— Самый страшный враг, — говорят, — не тот, что из-
за океана ракетами да бомбами грозит, а тот, что под боком
разлагает передовое советское крестьянство! Препятствует
победному шествию крестьянства в коммунистическое бу-
дущее! А фельдшер-комсомолец спит и не видит, как вред-
ная народная пропаганда знахарства ползет по району!

— Хорошо, — говорю, — поеду искоренять, задание
понял.

И первым же делом на перекладных в самую дальнюю
деревеньку, кажись, Брысково на десять дворов, где, по
слухам, и жила бабушка Василиса. За полями, за лесами да
позади болот...

Слыхать-то я про знахарку слышал, а вот видеть до того
момента не приходилось. Приперся я к ее избушке уже в
сумерках, стучу. Тишина. Дверь в сени не приперта, значит,
в доме хозяйка. А чего ж молчит?

Слышал я, что очень стара она. Не дай бог, померла, пока ей в райкоме кости перемывали да мне мозг полоскали!

Я зашел в сени, покашлял для приличия. Молчок. Сапоги скинул, стою в портянках, кепку в руки взял, не принято порог переступать в шапке-то, и вхожу.

В горнице лампочка горит. Значит, электричество есть. Значит, и хозяйка где-то рядом. Чистенько, светло, все прибрано, от полов аж сверкает. Ну, думаю, неужели старуха в

А рядом со мной и правда —
карга. Нос крючком, горб
угловатый, как его, этот... —
Акимыч постучал пальцем
по столу, — сколиоз! Бабка
в тряпье каком-то ветхом.

такой силе, что дом содержит, хозяйство блюдет и такую чистоту наводит может?! И запах... свежего хлеба!

Я у порога встал, говорю:

— Вечер добрый, хозяева!

Опять тишина. И такая, знаете, тишина, ну вот, наверное, как

в гробу, когда на два метра закопают. Тише не бывает. Аж уши заложило. До звона. Гляжу, из-за печки котяра выходит. Рыжий, мордатый. Глазищи желтые, и так внимательно на меня смотрит, будто он тут за хозяина, а я непонятно зачем приперся.

Был бы черный, я, может, струхнул бы сильнее, а этот рыжий с наглой мордой показался своим парнем. А я как прирос к порогу, не могу шагу ступить дальше. Притолока низкая, сгорбился, кепку в руках мну и ни тпру ни ну... Вдруг сзади меня кто-то толкает, и слышу голос:

— Что встал, милоч, проходи давай.

И будто пленка прорвалась передо мной, я шаг вперед делаю, и вдруг разом: горница серенькая, углы в паутине, под потолком лампа керосиновая, с прошлого века не протиралась... на дощатом колченогом столе книжка толстенная с желтыми страницами, и каракулей в этой книжке... ничего не понять!

А рядом со мной и правда — карга. Нос крючком, горб угловатый, как его, этот... — Акимыч постучал пальцем по столу, — сколиоз! Бабка в тряпье каком-то ветхом. Из рта торчит один клык, руки жилистые, пальцы узловатые чер-

ные, и смотрит она на меня одним глазом, второго не видно, из-под платка выбиваются седые космы, прикрывают.

Ну, думаю, попал к бабе-яге! Прямо с экрана, из сказки «Василиса Прекрасная». Ну точь-в-точь!

Одно утешало — что печка у нее не русская, а голландка, значит, на лопату не посадит, в топку не наладит... И то хорошо. Но все равно страшновато было.

И какие-то мысли бредовые бродят в голове: думаю, а чего это она? И все. Чего «чего»? Не знаю. А бабка меня протолкнула, сама в горницу прошла и все так же, глядя на меня одним глазом — вторым-то она, оказывается, что-то на полу высматривала, — спрашивает:

— И что это в наши края ученого фельдшера занесло? Или современная наука не справляется?

Хотел я ей ответить, как меня в райкоме настроили, да язык к зубам прилип. Только и смог выдать:

— Здравствуйте, баба Василиса...

Только сказал, все снова поменялось. Опять горница светлая, кот по полу гуляет, хвост трубой! Стол накрыт, самовар на столе, массивный такой, на пару ведер, а передо мной никакая не бабка, а довольно молодая, лет так сорока пяти — пятидесяти, женщина в сорочке расшитой, юбке широкой из ситца с васильками. Руки и правда жилистые, трудовые. Зубов как положено, и ни один не торчит, все белые, ровные. Глаза серые, с прищуром, а волосы хоть и с сединой, но туго сплетены и прибраны, только видны железные шпильки, да на груди ожерелье с деревянными фигурками резными. Она мне и отвечает:

— Здравствуй, Борис Акимыч, коли не шутишь! А чего это ты меня в бабки записал?

Я молчу. А что сказать? Что пришел искоренять ее как класс? Что я такой весь из себя активист-комсомолец, пришел бороться со знахаркой?

— Хотя, пожалуй, все верно — бабка я. Ведьма...

Нет. Не то чтобы я скис, испугался... Конечно, не без этого, когда она мне бабой-ягой показалась, струхнул, конечно, что и говорить.